

Мусульмане в Приамурье: эскиз к историческому портрету

А.Н. Старостин

А.П. Ярков

Аннотация. Проблема развития ислама на Дальнем Востоке и, в частности, в Приамурье, изучена недостаточно подробно, а ряд аспектов не исследовались вообще. Всё это вызывает различные околонучные мнения, подчас политизированные. При этом наблюдается игнорирование исторических фактов, либо их толкование, основанное на обывательских домыслах. В статье на основе анализа исторических источников из архивов Уфы, Хабаровска, Владивостока, часть из которых впервые вводятся в научный оборот, материалов статистики, учёта и глубинных интервью предпринимается попытка дать комплексную ретроспективу развития ислама в Амурской области от времени появления первых мусульман до наших дней. Авторы отмечают тенденцию к созданию этнических и региональных общин, соответственно, стремящихся культивировать на дальневосточной земле традиции, присущие местам исхода. В результате миграционных и демографических процессов происходит смена её этнического ядра – с татарского на среднеазиатский и северокавказский. Несмотря на свою немногочисленность, мусульмане Приамурья стали неотъемлемой частью религиозного ландшафта региона, заняв в ней свою важную нишу.

Ключевые слова: ислам, мечеть, имам, татары, башкиры, развитие, мигранты, казаки, община, Дальний Восток

Alexey N. Starostin, Alexandr P. Jarkov

Muslims in Priamurye: A Historic Portrait's Outline

Abstract. The problem of development of Islam in the Far East and, in particular, in the Amur region is studied insufficiently in detail, and a number of aspects weren't investigated in general. All this causes various pseudo-scientific opinions, sometimes politized ones. At the same time there is ignoring of historic facts, or interpretation of them based on narrow-minded conjectures. The article attempts to give a complex retrospective of the development of Islam in the Amur region from the time of appearance of the first Muslims up to now. The research is based on the analysis of materials given by methods of statistics, accounting, and depth interviews, as well as historical sources from archives of Ufa, Khabarovsk, and Vladivostok, part of which is being introduced for scientific use for the first time. The authors note a tendency to creation of ethnic and regional communities respectively seeking to cultivate traditions inherent in native lands in the Far Eastern territory. As a result of migration and demographic processes there is a change of its ethnic kernel – from Tatar to Central Asian and North Caucasian ones. Despite the small number, the Amur Muslims became an integral part of the religious landscape of the region having occupied the important niche.

Key words: Islam, mosque, imam, Tatars, Bashkirs, development, migrants, Cossacks, community, Far East

Старостин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Екатеринбург, ул. Ленина, 51; alisheria@mail.ru

Alexey N. Starostin – PhD (History), Head of the Department of Political Sciences, Ural Federal University; 51 Lenin str., Yekaterinburg, Russia; alisheria@mail.ru

Ярков Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Экспертного научного центра противодействия идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета; Тюмень, улица Володарского, 6; ayarkov@rambler.ru

Alexander P. Yarkov – DSc (History), Professor, Leading Researcher of Expert Scientific Center for Counteraction of Ideology of Extremism and Terrorism, Tyumen State University; 6 Volodarskogo str., Tyumen, Russia; ayarkov@rambler.ru

«Идеальной модели» ислама нет. Все исторически сформировавшиеся региональные формы имеют право на существование [Прозоров, 2004, 375–378]. Поэтому изучение локальных вариантов этой мировой религии представляется важной задачей, привлекающей внимание всё большего числа исследователей. Знание региональных особенностей важно не только верующим (в т.ч. неوفитам и недавним мигрантам), но и органам власти, если они стремятся понять устремления, систему нравственных координат и ценностей приверженцев этой религии.

Прежде чем обратиться к истории уммы Приамурья в панораме веков, необходимо определить параметры объекта нашего исследования. Принимая во внимание меняющуюся конфигурацию, следует различать Амурскую область конца XIX – начала XX вв., охватывавшую территории ряда современных субъектов ДФО (Еврейскую автономную область, часть Хабаровского края), Амурский округ Дальневосточного края (ДВК), Амурскую губернию и современную Амурскую область. В любом случае, этот регион и тогда, и сейчас был и остаётся форпостом России, защищавшим её дальневосточные рубежи¹.

Следов присутствия мусульман в период Средневековья здесь пока не обнаружено. А самый близкий территориально артефакт был обнаружен на берегу р. Хемчик в Республике Тыва. Это кладбище Саадак-Терек. В 1991 г. там был найден кайрак ‘Умара б. Мухаммада б. ‘Али ал-Балхи – местного имама и смотрителя за могилой «святого» сайида Рашид ад-Дина. Надпись выполнена на фарси и датирована джумада ал-ахира 590 года хиджры (май-июнь 1194 г.) [Кызласов, 1984, 115].

В освоении Сибири и Дальнего Востока участвовали, прежде всего, казаки и служилые люди. Известно, что в 1644 г. отряд (включая служилых татар, выполнявших роль толмачей [Акишин, 2014, 145]) под командованием В.Д. Пояркова вышел в устье Амура. Информация о присутствии служилых татар среди тех, кто расширил восточные рубежи России, известна, но вопрос об их исповедальной практике остаётся открытым. Количество мусульман в тот период было слишком мало, чтобы говорить об умме. Но столь же очевидно, что находясь в годовальщиках на далёкой окраине, мусульмане из числа служилых татар могли собираться для намаза. Какие локальные особенности имела их исповедная практика? Очевидно те, что были характерны для зоны их постоянного проживания – практика адатного ислама Прииртышья. Там она культивировалась в течение нескольких столетий, насыщаясь заимствованными элементами архаичных верований [Ярков, 2011, 223]. Хотя достоверно говорить о присутствии служилых татар на территории Приамурья в XVII в. мы не можем.

Ситуация изменилась, когда территория Приамурья окончательно оказалась во власти России – со второй половины XIX в.

Входившие в состав Сибирского стрелкового корпуса 13-й, 14-й, 15-й, 16-й линейные батальоны только «в 1857 и 1858 гг. построили сначала от Усть-Стрелки до Хинганского ущелья, а потом до самых низовий Амура и по правому берегу Усури десятки населённых пунктов». Как отмечал Н.И. Шульженко, эти части формировались в местах компактного проживания «российских мусульман – татар, башкир и частично из числа исламизированных народов Среднего и Нижнего Поволжья». При этом высказанное мнение, что среди них были и «енисейские киргизы» [Шульженко, 2009, 24] сомнительно. Дело в том, что аборигенов и коренных жителей Сибири и Дальнего Востока в армию не призывали (ещё в 1822 г. закреплено освобождение от рекрутства сибирских «инородцев»). Кроме того, минусинские (ачинские / абаканские) татары («енисейские киргизы», с 1917 г. – хакасы) являлись последователями шаманизма, а затем и православными, но не исповедовали ислам.

В первоначальном освоении Приамурья велико значение военных. Так, Усть-Зейский военный пост возник в 1856 г. (преобразованный в 1858 г. в г. Благовещенск). Среди военнослужащих имелись нижние чины из регионов Поволжья с компактным проживанием мусульман, что надолго определило этническое «лицо» складывающейся уммы: обряды рождения и погребения, татарский язык проповеди, психолого-поведенческие установки. Известно, что с 1877 г. по просьбе муфтия ОМДС в армии и на казачьих землях были учреждены штатные должности имамов. Но на запрос об их необходимости для окормления воинов-мусульман в восточных

военных округах откликнулся только Приамурский. Там и была введена штатная должность военного муллы [Дубинин, Печёнкина, Лидер, 2015, 35–41]. Первым стал башкир Г.Ш. Рахманкулов, сын имама [ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295. Оп. 6. Д. 142. Л. 1-1об]. Затем он принял участие в Русско-Японской войне и был отмечен боевыми наградами «за храбрость, выдающуюся энергию и необыкновенно благотворное влияние на религиозные и морально боевые качества бойцов мусульман и за укрепление их в преданности «Русскому Белому Царю»». Имел он также благодарности за «выражение от лица мусульманского населения верноподданнических чувств в момент важных исторических событий в России» [Бикбов, Исхаков, Денисов, 2009, 302–303].

Естественно, военный мулла не мог отказать в удовлетворении духовных потребностей штатским единоверцам, среди которых были и те, кто остался на Дальнем Востоке после службы. Здесь также закрепились купцы и ремесленники, составив ещё один из элементов формирующейся уммы. Так, благовещенская община возникла в 1890-е гг., а её доверенным с 1893 г. являлся некто Ахташов [Памятная книжка, 1902, 52].

Между тем, в Приамурском генерал-губернаторстве на рубеже XIX и XX вв. большинство мусульман были ссыльными или отбывшими наказание [ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295. Оп. 6. Д. 142. Л. 35]. Их общее количество составляло в 1896 г. 0,4 % от общей численности населения [Забияко, Беляков, Воронина, 2017, 357]. Интересны, для сопоставления, данные по части районов Сибири и на Дальнем Востоке в 1897 г. [Нам, 2009, 55].

Таблица 1. Численность коренных и пришлых татар в Сибири и на Дальнем Востоке (по данным переписи 1897 г.)

Губернии и области	Всего мусульман по исповеданию		В т. ч. пришлых		Пришлых, %
	<i>об. п.</i>	<i>м. п.</i>	<i>об. п.</i>	<i>м. п.</i>	
Тобольская	56 998	29 975	8 074	4 624	14,2
<i>в т.ч. в городах</i>	1 575	994	855	583	54,3
Томская	95 196	47 933	9 423	5 044	9,9
<i>в т.ч. в городах</i>	2 321	1 286	1 812	1 004	78,07
Енисейская	5 991	2 662	3 640	2 350	60,75
<i>в т.ч. в городах</i>	1 408	845	1 107	680	78,62
Иркутская	6 981	4 423	6 467	4 129	92,7
<i>в т.ч. в городах</i>	1 020	666	921	567	13,19
Якутская	1 565	1 023	1 476	989	94,3
<i>в т.ч. в городах</i>	619	330	610	326	98,55
Забайкальская	2 550	1 871	2 512	1 849	98,5
<i>в т.ч. в городах</i>	279	212	259	201	92,83
Амурская	560	447	552	441	98,6
<i>в т.ч. в городах</i>	213	150	217	148	100
Приморская	1 034	979	1 053	1 002	100
<i>в т.ч. в городах</i>	401	354	402	47	100

Судя по таблице, Амурская область уступала Томской и Тобольской губерниям по общему количеству мусульман, но и демонстрировала доминирование мужчин над женщинами (из 560 чел. мужчин 447). Очевидно, это отражение военного, ссыльнокааторжного и миграционного характера формирования уммы. Кто-то переселялся в Приамурье в рамках крестьянской колонизации, кто-то, отбыв срок службы или наказания. Представители каждой из этих групп оставляли в регионе «осадок», в т.ч. маргинальный.

Пришлые мусульмане, между тем, составляли в Амурской области 98,6 %, а в городах все 100 %. Гендерный дисбаланс «дамокловым мечём» долго висел над уммой. И если даже молодые люди разной принадлежности хотели соединить судьбы, это встречало сопротивление как служителей культа, так и родителей невест: доминировали запреты и стереотипы.

Авторы коллективной монографии «Народы и религии Приамурья» проанализировали данные первой всероссийской переписи населения 1897 г. Согласно произведённым вычислениям, общее количество мусульман в Амурской области составляло 665 чел. (0,55 % от общей численности). Состав мусульман был довольно однороден: подавляющее большинство (531 чел. – почти 80 %) составляли татары, в т.ч. 419 мужчин и 112 женщин. Возрастной состав татар Приамурья согласно переписи 1897 г.: пятая часть – лица моложе 19 лет, более половины – лица в возрасте от 20 до 39 лет, четверть – лица в возрасте от 40 до 59, менее 0,5 % – лица старше 60 лет. 263 мужчины-татарина и 43 женщины-татарки не состояли в браке, 159 мужчин и 63 женщины состояли в браке, 23 мужчины и 7 женщин были вдовыми. 195 татар-мусульман проживали в Благовещенске, остальные – в уездах.

Сословный состав татарской общины был представлен в основном крестьянами (492 чел.), но были также дворяне (3), мещане (73), чиновники (2), иностранные подданные (61). По роду деятельности распределение было следующим: четверть татар занималась частными услугами, 122 работали в рудниках, 55 занимались земледелием, 42 – извозом. Грамотность среди них была несколько выше, чем в среднем среди других мусульман области: 24 % среди мужчин и 22 % среди женщин.

Следующими по численности в умме были мусульмане-китайцы, их насчитывалось 56 чел., все они были мужчинами и проживали в Благовещенске. Грамотой (очевидно русской) из них владели только двое. Среди мусульман Приамурья в ходе переписи выявилось 17 русских (13 мужчин и 4 женщины, из них грамотные – 9 мужчин и 1 женщина), 10 лезгин и 2 носителя финно-угорской группы языков, все мужчины. Кроме того, 24 мусульманина были отнесены переписчиками к носителям «остальных индоевропейских языков» и столько же (помимо татар) – к носителям «турецко-татарских языков» [Забияко, Беляков, Воронина, 2017, 358].

К 1900 г. число мусульман понемногу, но росло, составляя уже 879 чел. Это поставило перед властями вопрос о строительстве молитвенного дома или мечети в областном центре. Полагаем, что ещё раньше было одобрено выделение участка под «мусульманские» захоронения.

В одном из документов зафиксировано: «В Приамурском генерал-губернаторстве в городах и приисковых районах издавна проживают мусульмане, в большом количестве, как с семьями, так и одинокие, большинство из них из ссыльных» [ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295. Оп. 6. Д. 142. Л. 35].

Расселены приезжие были неравномерно. Большая их часть – вдоль Транссибирской магистрали, ставшей мощным фактором освоения края. Новое население (преимущественно славянское) стремилось заняться привычным трудом, но природные условия были иными. Это вызвало частичную возвратную миграцию. И, наоборот, миграционно неподвижными были отбывшие срок и оставленные на поселение.

Криминальная статистика свидетельствовала, что среди этнических групп чаще всего преступления совершали башкиры и татары, а на третьем месте находились уже отбывшие наказание уроженцы Кавказа. Известно, что более половины мусульман были сосланы за воровство. В списке совершённых ими краж лидировало конокрадство, что отражало специфическое отношение многих групп мусульман России к этому животному. Следом шли преступления «против жизни» (10 % от общего числа осуждённых). Дореволюционные исследователи объясняли это «неудержимой дикой вспышкой азиатских народов, ещё неоседлых и негражданственных». Однако, как отмечал В.В. Перинов, «российское имперское мышление, стремящееся встроить этнически и конфессионально разнородную массу в существующие правовые рамки, не хотело замечать вековых традиций “родовой чести”, поддерживавшихся кровной мезтью» [Перинов, 2010, 17–19].

Не только уголовники были в числе ссыльных. Встречались и осуждённые за преступления под «религиозными знамёнами». Отмечено в местах ссылки фанатиков, что «распространяя ... устно и через печатания и рукописные тетради полные понятия о султане, как могущественном во всём мире государе, при этом восхваляются турки и другие мусульманские народы, умаляется значение русского народа. Прославляется сила ислама, внушается надежда на будущее торжество магометан над “неверными”» [Лысенко, 2006, 160].

Тяжесть совершённых преступлений закрывала для значительной части мусульман возможность вернуться на родину. После отбытия срока они оставались на Дальнем Востоке, записывая себя и детей в податное сословие. Отбывших наказание власти старались расселить в отдалённых местах. С одной стороны, власти тем самым отделяли вчерашних осуждённых от городского населения, с другой стороны, решали задачи освоения обширных дальневосточных пространств, заселяя малообжитые земли. В любом случае неукоснительно соблюдалось условие – число приезжих не могло превышать 1/3 коренного населения.

В результате, например, в 1902 г. в г. Николаевске-на-Амуре насчитывалось до 200 мусульман, в т.ч. отбывшие ранее наказание на Сахалине. Их нравственный облик вызывал тревогу у приехавшего после окончания медресе в с. Буби Сарапупельского уезда (и там 8 лет преподававшего) М. Фаттахудинова². Он был назначен имамом в 1904 г., за два года устроил мечеть и организовал Благотворительное общество. Почётным членом общества стал пензенский купец А. Вергазов, при финансовой поддержке которого появилось вечернее мектебе, где учились местные гимназисты 4–5 классов («из кыргызов и черкесов») [Фахретдинов, 2016]. Там же учились и дети мусульман, приехавшие с Сахалина, но оставшиеся без попечения. Некоторые уже были крещены и ходили в церковь, но при поддержке членов николаевского Благотворительного общества стали посещать мектебе, приобрелись к религии предков. При мектебе организовали читальный зал, куда выписывали мусульманские и светские издания. Своей подвижнической деятельностью Фаттахудинов способствовал, насколько это было возможно, смягчению нравов.

Отметим, что мечеть, Благотворительное общество и мектебе возникли одновременно, будучи связаны не только соседством. Эти институты мусульманской общины «махалля» отражали тот этап развития российского ислама, что принято называть джадидизмом. Как общественно-политическое движение российских мусульман он начал проявляться с 1880-х гг. И связан он был, первоначально, с реформированием образования. Это предусматривало внедрение звукового метода обучения грамоте, разработку учебных планов и программ, включавших светские дисциплины, введение классно-урочной системы, экзаменов, учебников на родных языках, изучение русского языка. Такой путь впоследствии подвигал мусульман к интеграции, препятствовал клерикализации, хотя иногда ориентировал их на неверный путь развития, например, поддержку панисламистской идеологии...

Много мусульман появилось на Дальнем Востоке в период Русско-Японской войны, приметной их героизмом. Именно в тот период здесь оказалась группа офицеров и генералов из числа уроженцев Кавказа, отмеченных наградами. Для удовлетворения духовных треб военнослужащих, равно как и для регистрации актов гражданского состояния, требовались муллы. И с каждым годом всё больше и больше.

Г.Ш. Рахманкуловым 24 мая 1905 г. для этой цели был рекомендован С.М. Урманов. Тот уже 16 июля 1905 г. сдал экзамен в Оренбургском Магометанском Духовном Собрании и получил свидетельство, что его знаний достаточно, чтобы быть имам-хатыбом и мударрисом. Урманов военным губернатором 31 октября 1905 г. был утверждён имамом, а уже через два года (7 декабря 1907 г.) стал ахуном Амурской области. Сам же Ш.Г. Рахманкулов получил звание ахуна только в 1915 г., уже находясь в Екатеринбурге [Старостин, 2011, 242–251]³.

Очевидно, Урманов служил в благовещенской пятивременной мечети, открытой ещё в 1895 г. Тогда среди мусульман-горожан было 200 мужчин и 110 женщин. Этот дисбаланс отражает, как доминирование военных в городе, расположенном на границе с Китаем, так и сложение семей, где воспитание детей, очевидно,

строилось с учётом исламских установок, распространённых в Волго-Уральском регионе. В основном прихожане были выходцами из Пензенской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерний [Старостин, 2016, 441–454].

Очевидно, культовое здание в областном центре было небольшое и приспособленное, поскольку общество магометан, состоящее из 120 чел., подписало 10 апреля 1911 г. прошение, где ходатайствовало о необходимости постройки новой мечети на участке земли, отведённом ещё в 1906 г. управой в 118-м квартале Благовещенска. Отмечалось, что тот участок огорожен и построен дом для служителей культа. Был даже подготовлен план деревянной мечети и заготовлена часть материала. Начался сбор пожертвований. Благовещенская духовная консистория спустя 10 дней – 20 мая 1911 г. в ответ на прошение уполномоченного «Благовещенского магометанского прихода» Т. Обусева, уведомила: «препятствий к построению магометанской мечети на участке ... со стороны Благовещенского епархиального начальства не имеется».

В прошении 25 июля 1911 г. на имя Приамурского генерал-губернатора ахун С.М. Урманов ходатайствовал о выделении переселенческим управлением материальной помощи на постройку мечети в Благовещенске. Он обосновал тем, что мечеть явится средством «укрепления в этом крае пришлого на заработки элемента» – рабочих на приисках, крестьян-переселенцев, а также военнослужащих.

Между тем, в письме Приамурскому генерал-губернатору от исполняющего обязанности заведующего переселенческим делом в Амурском районе от 7 октября 1911 г. отмечалось: основная часть мусульман не ведёт оседлого образа жизни. Они работали на постройке железной дороги и занимались отхожими промыслами. По той причине решено «в ходатайстве о ссуде из переселенческих сумм на постройку мечети в г. Благовещенске отказать» [ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295. Оп. 6. Д. 142. Л. 35–45].

Следующий этап начался 6 июля 1912 г., когда на совещании управления строительной и дорожной частями при военном губернаторе Амурской области было рассмотрено новое ходатайство Урманова. В протоколе замечено, что количество мусульман мужского пола выросло в областном центре до 331 чел., имеется достаточно средств, а проект «в техническом отношении замечаний не вызывает и составлен правильно» [Холкина, Чаюн, 2016, 40]. ОМДС также утвердило приговор.

Тогда же, в 1912 г., началась стройка, а на 1 января 1913 г. в статданных уже отмечено – в городе есть соборная мечеть на ул. Садовой (ныне это место между «Амурской ярмаркой» и кинотеатром «Благовещенск»). При ней, указано, состояли два служителя культа, функционировали: «Благовещенское татарско-магометанское общество», новометодное мектебе («Татарское начальное училище им. Исмагила Гаспринского») с 23 учащимися на улице Вишневой (в районе пересечения ул. 50-летия Октября и ул. им. Горького) [Справка, 2010].

Очевидно, и здесь сказалось влияние идей джадидизма. И если в более западных областях Азиатской части России (не говоря уже о Поволжье и Средней Азии) ситуация нередко приводила к конфликтам со сторонниками консерватизма – кадимистами, то на Дальнем Востоке препятствий подобного характера не было.

Но само движение за демократизацию образования встревожило власть. Опасаясь развития самосознания мусульман через реформирование мектебе и медресе, власти встали на путь поддержки старометодных заведений. Однако возобладал джадидизм, что привело не только к появлению сети новометодных учебных заведений, но и Обществ, библиотек и других просветительских учреждений. Джадидизм стал социально-культурной базой для формирования интеллигенции среди мусульман, политической активизации.

Во многих случаях жизнеспособность благовещенской общины зависела от предпринимателей, выступавших благотворителями, такими как уроженцы Казанской губернии, совладельцы торгового дома Ф.А. Абдурахманов и М. Аглетдинов. В 1910–1914 гг. они – выборщики и гласные городской Думы. Кроме того, Абдурахманов в 1916 г. был председателем попечительского совета Благотворительного общества, а в июне 1917 г. шёл на выборы в городскую Думу по списку № 3 (включал «домохозяев, торгово-промышленников, сектантов, мусульман») [Деловой мир, 2013, 4–5, 30].

С 1912 г. действовала мечеть и в г. Зей-Пристань (имам – А. (Г.Г.) Янышев⁴) – центре Зейского горного округа [ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295. Оп. 2. Д. 6 Л. 904об–905]. Там в числе старателей, приказчиков и управляющих, а то и владельцев (таких как А. Валитов – представитель «Алу-Макитского золотопромышленного товарищества» и его сыновья, основавшие Торговый дом «Братья Валитовы»), оказалось немало татар и башкир, нуждавшихся в духовном окормлении.

К началу Первой мировой войны общее количество мусульман в Амурской области составляло 3 486 чел., составляя 1,6 % в составе населения [Забияко, Беляков, Воронина, 2017, 359]. Поэтому не было ничего удивительного в том, что мечети и молитвенные дома открывались и в других населённых пунктах, например, в д. Александровский [ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295. Оп. 6. Д. 4137. Л. 1–10]. Возможно, что их посещал и Э.И. Хогондоков⁵, с 1916 г. – военный губернатор Амурской области. После свержения самодержавия претензий к нему, как и к служившему уже в Благовещенске имаму Г.Г. Янышеву, муэдзину А.(С.) Вагапову со стороны единоверцев не было.

Между тем, задача сохранения лояльности мусульман актуализировалась для власти ещё в годы Первой мировой войны. Существовали опасения, что могли повлиять на ситуацию, как и ранее (в 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856, 1877–1878 гг.) открывшиеся военные действия с Османской империей, которой по-прежнему правил (хотя с учётом Конституции) султан – халиф всех мусульман. Опасения большей части не оправдались⁶.

Более того, не подлежащие призыву сибирские татары шли добровольцами. Среди них М.Е. Катук-Азанов из крестьян села Епельдинского Ново-Ярковской волости Каинского уезда Томской губернии, направленный в Приамурье в запасный полк. Примечательно, что из 198 ратников ополчения 2-го разряда, прибывших туда же из Бирского уезда в октябре 1915 г., русских оказалось четверо, остальные – башкиры и татары. Прибывшие мусульмане принимали присягу в присутствии прикомандированного при штабе Приамурского военного округа муллы.

Институт военных мулл был ликвидирован в 1917 г. Временным правительством, но умма Приамурья к тому времени настолько окрепла, что смогла содержать служителей культа и без государственной поддержки, сняв с них, одновременно, и официальные обязательства поддерживать власть проповедями и наставлениями.

Период утверждения советской власти на Дальнем Востоке был кратковременным, а начавшаяся Гражданская война затянулась здесь до 1922 г. И если созданные до выступления чехов советские Комиссариаты по мусульманским делам ощущали себя «боевым штабом мобилизации всех мусульманских масс» (но без имамов), то, напротив, в армии А.В. Колчака был возрождён институт военных мулл.

О том, что во время Гражданской войны конфессиональные связи не были прерваны, свидетельствует постановление Диния нэзараты⁷ от 8 ноября 1918 г. Тогда амурские имамы Г.Г. Янышев и Вагапов были утверждены (хотя и временно – на три года) в своих должностях. Янышеву предоставили годовое жалование в 2 400 руб., с «готовой квартирой с отоплением и освещением, водой, правом пользования телефоном». Все годы Гражданской войны Янышев вёл активную религиозную деятельность в г. Благовещенске, а Г. Дашкин – в г. Николаевске-на-Амуре. Созданные в имперское время институты продолжали действовать все годы Гражданской войны и после неё, отражаясь в культурных установках. Так, в 1917–1922 гг. в благовещенскую мечеть обратилось с просьбой об обращении в ислам несколько девушек происхождением из молоканской, православной и католической общин. Основная причина, предположительно – брак с мусульманами [РГИА ДВ. Ф. 1501. Оп. 1. Д. 1, Л. 1–20].

Во время правления А.В. Колчака муфтий Г.Г. Галеев обратился к военному министру с предложением организовать особую комиссию. Она должна была составлять агитвоззвания с призывом к борьбе с большевиками; искать кандидатуры на должности полковых, дивизионных, корпусных и армейских мулл; обеспечивать их метрическими книгами; посещать части на фронте и в тылу для ведения духовно-религиозных бесед. Проект не получил одобрения Главного управления по делам вероисповеданий, но было принято решение оставить главным военным муллой Дальневосточной армии А. Салимгареева [Таган, 2007, 28].

Даже оставшись без Верховного правителя – А.В. Колчака, часть расколотого российского общества продолжала сопротивление, выдвигая новых лидеров, а при их помощи пыталась создать органы управления религиозными делами. Так, 23 мая 1920 г. в г. Чите на совещании служителей культа (православных, старообрядцев, мусульман) была озвучена идея создания «Ухувате диния». Как Центральное управление мусульманского братства, оно должно было объединить мусульман – противников советской власти на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Предполагалось, что оно будет иметь свои структуры в воинских частях, подчинённых атаману Г.М. Семёнову для «поднятия нравственного состояния и религиозных чувств воинов-магометан» [Таган, 2007, 27].

Более того, 14 июня 1920 г. на собрании высказано пожелание атаману: учредить «Военно-Национальное Управление башкир Российской Восточной окраины». Это связано с тем, что в Забайкалье и Приамурье в тот момент сосредоточено большое количество мигрантов и беженцев из Уфимской губернии. Поэтому в «Ухувате диния» башкиры заняли лидирующие позиции в управлении. Председателем этой организации был избран главный мулла Дальневосточной армии Салимгареев, его товарищем – поручик Таганов, секретарём – штабс-ротмистр Шафигуллин, казначеем – гарнизонный мулла Султанов, а членами совета – мулла Шамгулов, З. Ишмухаметов, мулла Сабирхузин, мулла Уфимской дивизии Гилязитдинов. В состав руководства вошёл и представитель Хиджазского Аравийского Королевства подполковник Турецкого Генерального штаба М.А. Асланов⁸. Председателем «Военно-Национального Управления башкир Российской Восточной окраины» стал представитель известной династии – М.-Г. Курбангалиев. Попутно Г.М. Семёнов и Р.Ф. Унгерн-Штернберг обсуждали идею создания «Лиги восточных народов», как не имеющих «своих правительств и зависимых» [Откровения, 2003, 226; Семёнов, 1999, 30].

Через Приамурье перекатывались волны миграции, иногда (кратковременно) в разы увеличивая умму (включая служителей культа), но в конечном итоге унося за пределы страны многих известных богословов и имамов, как и зажиточную часть местных и приезжих (временных) прихожан (например, Г. Дашкина, А. Вергазова и др.). Часть из них обосновалась затем в Харбине.

В первый период восстановления советской власти притеснений в отношении мусульман не было. Более того, в Амурской губернии в 1925 г. имелось две общины (за год до того – одна). В последующем, как и по всей стране, возрастало давление на приходы, а затем и на верующих, число которых невозможно определить из-за отсутствия статистики [ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 903 об. – 904].

Миграционный приток всё же говорит об изменении количества тех, кто связан с исламом по убеждению, или уже лишь по происхождению. Так, по данным переписи населения 1926 г., в Амурском округе ДВК проживало 1 147 татар (0,4 % населения), а в Зейском – 458 (1,2 %) [Всесоюзная перепись, 1926]. Некоторые, несмотря на общее усиление атеистической работы и советизацию культуры, продолжали давать детям исламские имена (но уже не всегда мальчикам проводя суннат) а умерших хоронить на мусульманских участках кладбищ.

8 января 1930 г. долго процарившаяся община Благовещенска получила «удар» – после антирелигиозного митинга мечеть была закрыта, затем переоборудована под военно-учебный пункт, а в конце 1930-х она, как и почти все другие храмы Благовещенска, была взорвана [Народы, 2017, 360]. В течение последующих 60 лет умма являлась неформализованным объединением практикующих мусульман, собиравшимся по частным домам и для сопровождения похорон [Старостин, 2016, 450].

Известно, что на Дальний Восток из Татарстана только в 1930 г. отправлено 10 тыс. «раскулаченных». На месте их нового размещения складывались сложные отношения: «Между русскими, татарами и чувашами остро развит национальный антагонизм. Бывшие крупные торговцы, муллы, учителя устраиваются обособленно... В религиозные праздники работать отказываются» [Чернолуцкая, 2011, 69].

Значительно было число отбывавших наказание за уголовные и «политические» преступления, в т.ч. в БамЛИАГе (расформирован в 1938 г.). С введением с 1937 г. специальных запретных зон вдоль границ СССР предусматривался даже «лимит»

на расстрел 12 тыс. узников лагерей в пограничной зоне. Очевидно, среди них были и мусульмане.

В 1939 г. в регионе было учтено 2 042 татар. Ощутимей стало присутствие среднеазиатских этносов (больше 200 чел.). Поскольку в приграничной зоне раскулаченных и депортированных размещать было запрещено, то, очевидно, это вольнонаёмные, военные и члены их семей.

В годы Великой Отечественной войны среди мусульман по происхождению в частях Отдельной Дальневосточной армии и среди пограничников, а затем участвовавших в войне с Японией, в силу психологического напряжения возрастала религиозность (но скрываемая), на которую политорганы обращали внимание, но не наказывали.

В послевоенные годы в регионе велось большое строительство. На 1 января 1953 г. насчитывалось 16 903 спецпоселенцев (в т.ч. балкарцы, ингуши, крымские татары, чеченцы) [Чернолуцкая, 2011, 450]. Соответственно, их жизнь и духовные практики отмечались органами надзора, но без анализа различий с традициями, сложившимися у местных мусульман за предшествующие десятилетия на этой земле.

Освобождённые из-под надзора стремились выехать с мест ссылки, уменьшив количество мусульман по убеждению (или уже только по происхождению), хотя культовых зданий для исповедания ими веры так и не появилось, а старые не возвращены.

Поддержка государством трудовой миграции увеличила численность людей, исторически связанных с исламской культурой. Значительную их часть составляли завербованные в Татарской АССР крестьяне. О том, как происходило переселение, можно составить представление из воспоминаний имама мечети г. Кушва (Свердловская область) Бадретдина Гайнутдинова 1931 г.р.

Он вспоминал, как «в 1949 г. в д. Нижнее Алькеево Алькеевского района Татарской АССР приехали вербовщики. Они призывали жителей переселяться в Амурскую область, обещая обеспечить жильем и скотиной. В итоге 3 семьи соблазнились. Сдав скотину на мясокомбинат, они с вещами доехали до станции Мелеуз в Башкортостане, откуда начался их путь на Дальний Восток, который занял 25 суток. Ехали в товарных вагонах, по 5 семей в каждом, всего в составе было 70 вагонов, таким образом, за раз туда приехало более 350 семей, каждая от 3 до 10 человек. По приезду в Благовещенск их встретило 150 полуторок и развезли по колхозам. Семья Гайнутдиновых оказалась в колхозе «Пограничник» Тамбовского района в 150 км от Благовещенска на берегу Амура. Население этого колхоза состояло из русских переселенцев и сосланных западных украинцев. Ни скотины, ни квартиры семье не предоставили. Пришлось ехать в райцентр, где в переселенческом пункте их отправили на пилораму и разрешили забрать древесный отходы (горбыль), а также выделили машины для перевозки досок. Из этого материала семья и построила себе за лето сборно-щитовой дом. Пока шла стройка, пришлось жить на конюшне в ужасающих условиях. Дом получился не тёплый, пропускал влагу и снег. Бадретдин устроился работать конюхом, а спустя три года его призвали в армию. Пока он служил, семья приняла решение возвратиться на родину в Татарстан, т.к. практически ничего из обещанного при вербовке переселенцы не получили» [Интервью с Б. Гайнутдиновым].

Кто-то из тех переселенцев вернулся, но большая часть остались. Поэтому численность мусульман по происхождению в послевоенные годы увеличивалась, к 1959 г. достигнув 5 870 чел. (0,8 % населения). Отметим данные по татарам (включая крымских) – 5 006. В 1979 г. численность этой группы населения – 13 902 (1,48 %), из них татар 7 939. К 1989 г. количество достигло самого большого показателя – 25 285 (2,41 %), но совокупное число татар и башкир меньше половины – 11 785. Остальные – выходцы из республик Средней Азии и Казахстана – 5 594 и Северного Кавказа – 1 737 [<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>].

Значительный прирост объяснялся тем, что многие посёлки и станции БАМа строились представителями разных республик. Так, туркмены возводили станцию Ларба; таджики – Солони; узбеки – Куанду и Леприндо, уроженцы Башкирии – Верхнезейск, а из Чечено-Ингушской, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР работали на строительстве Кунермы [Буракшаев, 2009; Карпова, Мироненко, 2009].

Как правило, это были молодые люди, в малой степени связанные с религиозными традициями предков. Но при новых посёлках на линии БАМа появились «мусульманские» участки на местных кладбищах. Поэтому допускаем, что кто-то из молодёжи мог совершить джаназа и устроить могилу «по шариату».

В 1990–2000-е гг. мусульманское население Амурской области существенно сократилось. Помимо естественной убыли, ассимиляции, а как следствие смены этнической идентичности, значительная часть переселилась в другие регионы России – вследствие экономических трудностей переходного периода. По данным переписи населения 2002 г. общее число мусульман (по происхождению) в регионе сократилось в 2 раза – до 12 830 чел. (1,4 %). Количество татар и башкир при этом составляло 6 081 чел. К 2010 г. число мусульман (по происхождению) ещё более уменьшилось – до 10 571 чел. (1,27 %), где число татар и башкир стало меньше половины – до 4 290 [<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>].

В то же время среди оставшихся и вновь приехавших был отмечен рост религиозных настроений, что отражало общероссийские тенденции. В 1991 г. руководитель инициативной группы амурских мусульман Н.В. Камалов обратился в областной Совет народных депутатов и в Минюст с просьбой разъяснить порядок регистрации религиозной организации. Религиозное объединение мусульман, учредителями которого стали 12 жителей Благовещенска. Была зарегистрирована в управлении юстиции 1 декабря того же года местная религиозная организация Духовного управления мусульман европейской части СНГ и Сибири (с 1992 г. – ЦДУМ). Однако из-за бездействия организации в 2002 г. она была ликвидирована органами юстиции.

В январе 2003 г. в Благовещенске прошло собрание диаспор области, на котором было принято решение о создании мусульманского общественного центра и его руководящего органа – Высшего Совета. В его состав вошли по три представителя от таджикской и узбекской диаспор, два – от дагестанцев и по одному – от татар и туркмен. Председателем был избран И. Усманджанов.

Организация под руководством этого лидера выступала под разными названиями и не все они имели официальную регистрацию: «Дальневосточное демократическое движение мусульман», «Братья мусульмане», «Мусульманское братство», «Амурский мусульманский совет». Например, общественное объединение «Братья мусульмане» было официально зарегистрировано в органах юстиции в 2003 г., однако уже на следующий год управление Минюста вышло в суд с иском о ликвидации «Братев мусульман», поскольку объединение носило название международной организации, которая считается в России террористической.

Остро стоял вопрос о строительстве мечети. Община не раз обращалась к городским властям относительно выделения земельного участка, однако предлагаемые мэрией землеотводы отвергались по причине труднодоступности.

С начала основания общины намазы совершались в частных гаражах и неотапливаемых складских помещениях. В 2003–2005 гг. общество мусульман проводило праздничные молитвы Курбан-байрам и Уразу-байрам в одном из складов плодоовощной базы «Дружба». Намазы на бетонном полу в зимнее время не проходили бесследно: люди заболели. Усманджанов выступил с обращением в СМИ, где назвал политику властей Благовещенска, не предоставляющих землю для мечети, «неправильной и вредной для государства, порождающей у мусульманской общественности недоверие».

Перспективы строительства мечети обсуждались в мэрии летом 2005 г. во время посещения Благовещенска имамом Х. Одаевым, будущим руководителем Департамента по связям с религиозными и общественными организациями Чеченской Республики. Он приехал в Амурскую область в составе делегации на «Поезде Дружба», сформированном чеченским правительством и проехавшим по многим регионам страны. Одаев посетил склад плодоовощной базы «Дружба», где совершались молитвы, и был расстроен отношением городских властей к проблемам мусульман. В СМИ заговорили о возможности строительства мечети в районе овощной базы.

После посещения Благовещенска полпредом Президента РФ в ДВФО К. Исхаковым назывались и другие возможные участки для мечети в центральной части

города, однако далее разговоров дело не продвинулось. В результате в 2006–2009 гг. проходили пятничные намазы в помещении арендуемого спортзала в районе КПП.

В мае 2007 г. мусульмане выступили против гастролей в городе «развратного певца» С. Пенкина, приняв участие в пикете возле здания городской администрации. Координатор мусульманских диаспор Исмаил Усманджанов призвал сорвать концерт.

С 2009 г. в Благовещенске активизировалась деятельность ЦДУМ, во многом благодаря деятельности представителя данной структуры на Дальнем Востоке Х. Кузнецова.

Первая религиозная организация (в составе ЦДУМ) в Благовещенске получила официальную регистрацию 14 декабря 2009 г. Председателем её стал юрист И. Фасахов, а имамом – О. Омаров. На оформление документов для регистрации ушло два с половиной года. С 2010 г. община взяла в аренду первый этаж недостроенного здания в одном из микрорайонов. Длительное время там проводились джума-намазы.

В октябре 2010 г. в составе ЦДУМ зарегистрирована вторая организация области – в г. Зея (председатель Т.А. Кидрачев), где община прежде действовала в качестве религиозной группы. Большинство мусульман этого города – выходцы из республик Северного Кавказа, преимущественно из Ингушетии. С 2013 г. в Зее действует молитвенный дом площадью 70 м². Религиозная группа (руководитель С. Магомедов) есть и в г. Тында, где местными властями выделена земля для строительства мечети.

К концу 2011 г. мусульмане Благовещенска остались без имама и председателя, а джума-намазы в арендуемом помещении проводил представитель узбекского культурного центра «Олтин Водий» М. Тулунов, приезжая по пятницам в областной центр из Ивановского района. Некоторое время имамом служил присланный ЦДУМ И.И. Кадыров. С 5 июня 2015 г. имам-хатыбом служит Р.У. Умаров, а его помощником является М. Гимбатов. Вся административная работа общины Благовещенска лежит на представителе узбекского областного национально-культурного центра «Олтин Водий» («Золотая долина») А.А. Палванове.

В умме вообще доминирует центрально-азиатская компонента, но при весомой роли выходцев с Кавказа.

Не добившись выделения участка на территории Благовещенск, мусульмане в 2011 г. на собственные средства купили землю в пригороде областного центра в с. Чигири (в 7 км). И в марте 2013 г. приступили к строительству мечети с общей площадью в 1 200 м².

По информации Палванова в 2015 г. на пятничный намаз собиралось до 350 чел., а по праздникам в 10 раз больше. Община активно занимается благотворительностью, участвуя в этноконфессиональном диалоге и работе с мигрантами.

Собственной централизованной религиозной организации в Амурской области нет, но общины ориентируются на ЦДУМ и её полномочного представителя (в Хабаровске) ахунда А. Гарифуллина [Гумирова, 2011; <http://www.ampravda.ru/2013/03/01/042379.html>; http://alfurkan.ru/index.php?option=com_zoo&view=category&Itemid=115; <http://www.amurpravda.ru/articles/2004/11/18/11.html>; <http://www.islamnews.ru/news-9694.html>; <http://www.islam.ru/content/obshestvo/1704>; http://www.info-islam.ru/publ/novosti/rossiya/v_priamure_pojavilas_pervaja_musulmanskaja_organizacija/1-1-0-843; Забияко, Беляков, Воронина, 2017, 360–364; Малашенко, Старостин, 2016, 196–213; Интервью с А.А. Павлановым].

Интересны результаты исследования «Образ мусульман в сознании жителей Приамурья», опубликованного в 2012 г. [Воронкова, Воронкова, 2012, 173–190]. Авторы на основе глубинных интервью жителями области (т.ч. с представителями православной и католической общин) пришли к заключению, что в сознании респондентов сложился противоречивый образ мусульман.

Замечено: этому образу (в сознании опрошенных православных респондентов) присущи как положительные, так и отрицательные черты. К числу положительных, например, можно отнести ответственность мусульман в вопросах веры. Однако, на взгляд авторов, всё-таки в сознании православных респондентов преобладают либо отрицательные ассоциации (чуждость, неправильность, агрессивность и жестокость, страх, отторжение, отчуждение, крайняя форма отрицания), либо сдержанная толерантность или безразличие.

Примечательно, что (видно из материалов интервью) наибольшую агрессию и неприятие по отношению к мусульманам выразили респонденты, отличающиеся достаточно высоким уровнем воцерковлённости. Напротив, наиболее толерантными оказались респонденты с самым низким уровнем воцерковлённости.

Ещё одной характерной чертой восприятия мусульман православными является совмещение (или, по крайней мере, смешение) понятий «нация» (или «этнос») и «конфессия». «Русская вера» (т.е. православие) противопоставляется, увы, вере «нерусской». Мусульман (в целом) иные называют «агрессивной нацией», «иногородцами», «чурками» (т.е. выходцами из Кавказа), «азиатами», а их веру – «присланной».

Здесь налицо развитая форма известного стереотипа: «русский, значит, православный», которую смело можно сопоставить с распространённой формулой: «мусульманин, значит, террорист», которую также можно наблюдать в ответах части респондентов.

По сравнению с ответами православных респондентов для ответов опрошенных членов католической общины г. Благовещенска в целом характерна более выраженная толерантность и даже симпатия по отношению к мусульманам. Большинство респондентов имеют знакомых и друзей-мусульман, поддерживают с ними хорошие отношения. Часть респондентов указывает на веру в единого Бога как объединяющий фактор; однако при этом мусульмане остаются всё же другими (с «другой» культурой, вероучением, традициями, манерой общения и стилем одежды и т.д.). В качестве типичных черт мусульманина приводится строгость, сдержанность, закрытость, жестокость. К положительным чертам образа мусульманина в сознании респондентов относится ответственное отношение к вере, манера общения и поведения. Ни один из респондентов не следовал стереотипу: «мусульманин = террорист». Напротив, в своих ответах часть респондентов даже старались опровергнуть это расхожее мнение.

Результаты анализа ответов горожан, не причисляющих себя к какой-либо конфессии, показал, что в целом их отношение к мусульманам можно охарактеризовать как толерантное и нейтральное. При этом мусульмане воспринимаются респондентами как представители совершенно иной культуры.

К числу положительных черт образа мусульман в сознании жителей, не причисляющих себя к какой-либо конфессии, можно отнести серьёзное отношение к вере, отказ от потребления алкоголя, уважение к старшим, хорошее отношение к детям. Но вот многожёнство и ущемление прав женщин приводится респондентами в качестве негативных сторон мусульманской культуры. Также жизненным в сознании горожан, не причисляющих себя к какой-либо конфессии, остаётся стереотип: «мусульманин, значит, экстремист».

Что касается вопроса о строительстве мечети, то и здесь также наблюдается тенденция более негативных реакций со стороны православных респондентов. Встречается, конечно, и толерантное отношение. Респонденты – представители католической общины к этому вопросу относятся либо положительно (большинство), либо нейтрально (один респондент). Среди опрашиваемых жителей Благовещенска, не причисляющих себя к какой-либо религии, вопрос о планах строительства мечети в пределах города вызвал неоднозначную реакцию. Большинство респондентов не имеют ничего против строительства, однако встречаются и резко отрицательные суждения. Увеличение доли мусульман среди населения опасений у большинства респондентов всех трёх групп не возникает.

В целом образ мусульман в сознании жителей областного центра сложен и противоречив. Наблюдается смешение этнического и конфессионального: «мусульманин = кавказец, азиат».

При этом мусульманин внушает уважение и даже опасение; он воспринимается как «жесткий», «сдержанный», «скрытный», «верный своим принципам» (особенно в делах веры). Большинство респондентов указали на особую модель мусульманской семьи (где видят ущемление прав женщин, но и строгость в воспитании детей), важную роль религии в жизни и ответственное отношение к вере, причём значительная часть респондентов считает это позитивным качеством исламской культуры [Воронкова, Воронкова, 2012, 173–190].

Несмотря на то, что ислам является надэтнической религией, нельзя не заметить тенденцию к созданию этнических и региональных общин, соответственно, стремящихся культивировать на дальневосточной земле традиции, присущие местам исхода. Это видно, например, по общине г. Зея, где большинство прихожан – из Ингушетии.

По эволюции общины Благовещенска также видим произошедшую за сто с лишним лет (в результате миграционных и демографических процессов) смену её этнического ядра – с татарского на среднеазиатский и северокавказский. Эти же изменения зафиксированы и в ходе интервью с жителями Благовещенска. В целом можно констатировать, что, несмотря на свою немногочисленность, мусульмане Приамурья стали неотъемлемой частью религиозного ландшафта региона, заняв в ней свою важную нишу.

Список сокращений:

г. – год, город

гг. – годы

в. – век

вв. – века

ГКУ РБ «ЦИА РБ» – Государственное казенное учреждение Республики Башкортостан «Центральный исторический архив Республики Башкортостан»

ДвФО – Дальневосточный федеральный округ

ДВР – Дальневосточная республика

ЦДУМ – Центральное Духовное управление мусульман России

Библиографический список

1. Акишин, М.О. О роли толмачей в осуществлении внешнеполитических функций Русского государства в Сибири XVII в. / М.О. Акишин // Присоединение Сибири к России: новые данные: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. – С. 41–49.
2. Бикбов, Р.З. Рахманкулов Гирфан Шайхильмарданович / Р.З. Бикбов, Р.Л. Исхаков, Д.Н. Денисов, А.Н. Старостин // Ислам на Урале: энциклопедический словарь / колл. авт., сост. А.Н. Старостин, отв. ред. Д.З. Хайретдинов. – М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. – С. 302–303.
3. Буракшаев, В. По рельсам всесоюзной стройки / В. Буракшаев // livejournal.com [Электронный ресурс]. – URL: <http://transphoto2007.livejournal.com/56905.html> (дата обращения: 21.06.2017).
4. В Приамурье появилась первая мусульманская организация // Общероссийское информационное агентство мусульман Инфо-ислам [Электронный ресурс]. – URL: http://www.info-islam.ru/publ/novosti/rossiya/v_priamure_pojavilas_pervaja_musulmanskaja_organizacija/1-1-0-843 (дата обращения: 21.06.2017).
5. В Чигирях начали строить мечеть // Амурская правда [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ampravda.ru/2013/03/01/042379.html> (дата обращения: 21.06.2017).
6. Волков, А.С. Генералитет Российской империи / А.С. Волков // Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 2. – М.: Центрполиграф, 2009. – 831 с.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР (Дальневосточная республика. Амурский округ, Зейский округ) // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/gus_nac_26.php (дата обращения: 21.06.2017).
8. Воронкова, Е.А. Образ мусульман в сознании жителей Приамурья (опыт социально-психологического исследования) / Е.А. Воронкова, Т.А. Воронкова // Религиоведение. – 2012. – № 4. – С. 173–190.
9. Гумирова, С. Ислам на сопках / С. Гумирова // ИА Islamnews [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.islamnews.ru/news-90241.html> (дата обращения: 21.06.2017).
10. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.): в 2-х т. / Серия «Приамурье из века в век». Т. 2. – Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2013. – 872 с.
11. Дубинин, В.О. Особенности реализации конфессиональной политики в воинских частях Сибирского военного округа (1865–1905 гг.) / В.О. Дубинин, А.А. Печёнкина, Н.В. Лидер // Россия и Казахстан: исторический опыт сотрудничества и перспективы интеграции: материалы II Международной научно-практической конференции. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. – С. 35–41.

12. Забияко, А.П. Народы и религии Приамурья / А.П. Забияко, А.С. Воронина, А.О. Беляков и др.; под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2017. – 424 с.
13. Интервью с А.А. Павлановым 1958 г.р. г. Хабаровск 04.06.2015 // Личный архив А.Н. Старостина.
14. Интервью с Б. Гайнутдиновым 1931 г.р. г. Кушва Свердловской области 31.03.2017 // Личный архив А.Н. Старостина.
15. Ислам в Амурской области // Духовное управление мусульман Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dumrf.ru/regions/28/history> (дата обращения: 21.06.2017).
16. Карпова, Е. Долгая дорога / Е. Карпова, П. Мироненко // Business Guide, Приложение к газете «Коммерсантъ» № 93 (4148) от 27.05.2009.
17. Кызласов, Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой / Л.Р. Кызласов // Западная Сибирь в эпоху Средневековья: сборник статей. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – С. 111–118.
18. Лысенко, Ю.А. Православие и ислам на Алтае во второй половине XIX – начале XX вв. / Ю.А. Лысенко // Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века): материалы Международной научно-практической конференции. – Барнаул: Из-во Алтайского ун-та, 2006. – С. 159–162.
19. Материалы всесоюзных и всероссийских переписей населения // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 21.06.2017).
20. Мечеть в Тынде: мечта становится реальностью // ИА Islamnews [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.islamnews.ru/news-9694.html> (дата обращения: 21.06.2017).
21. Мусульмане вынуждены молиться в складе // Амурская правда [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.amurpravda.ru/articles/2004/11/18/11.html> (дата обращения: 21.06.2017).
22. Мусульмане Дальнего Востока. Рост активности // Исламский информационный портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.islam.ru/content/obshhestvo/1704> (дата обращения: 21.06.2017).
23. Нам, И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.) / И.В. Нам – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 500 с.
24. Откровения отца Филофея // В.В. Маркович. Три атамана. – М., 2003. – С. 226.
25. Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область / под ред. И.И. Кириллова. – Т. 1. – Чита: Экспресс-изд-во, 2007. – 172 с.
26. Памятная книжка Амурской области на 1902 год. Ч. 1–5. – Благовещенск: Издание Амурского областного статистического комитета, 1902.
27. Перинов, В.В. Мусульмане в Забайкалье: середина XIX века – 1917 год: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / В.В. Перинов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. – Улан-Удэ, 2010. – 24 с.
28. Прозоров, С.М. Ислам как идеологическая система / С.М. Прозоров. – М.: Вост. лит., 2004. – 471 с.
29. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 1501. Оп. 1. Д. 1.
30. Регионы – Амурская область // Аль-Фуркан [Электронный ресурс]. – URL: http://alfurkan.ru/index.php?option=com_zoo&view=category&Itemid=115 (дата обращения: 21.06.2017).
31. Ризаэтдин Фахретдин о мусульманских приходах Дальнего Востока (перевод статей из газеты «Вақыт» за 1906 г.) / Р. Фахретдин // Медина аль-Ислам (Москва). 2016. ноябрь-декабрь.
32. Семёнов, Г.М. О себе (Воспоминания, мысли и выводы) / Г.М. Семёнов. – М.: АСТ, 1999. – 378 с.
33. Справка об истории мусульманской общины г. Благовещенска (Амурский областной краеведческий музей). Исх. 01-04/53 от 08.02.2010 // Текущий архив МРОМ г. Благовещенска.
34. Старостин, А.Н. Зам. директора медресе «Хусаиния» Гирфан Рахманкулов – жизнь во имя ислама / А.Н. Старостин // Исламское образование. История, современное состояние и перспективы развития: Материалы международной научно-богословской конференции, посвященной 120-летию медресе «Хусаиния» и 20-летию деятельности современного Духовного мусульманского образовательного учреждения «Хусаиния». – Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ», ООО «Оренбурггазпромсервис», 2011. – С. 242–251.
35. Старостин, А.Н. Мечеть г. Благовещенска Амурской области в начале XX века как центр просвещения и прогресса / А.Н. Старостин // XII Фаизхановские чтения. Мечеть как центр единения уммы, образовательной и социальной работы: материалы международной науч.-образовательной конф., г. Нижний Новгород, 27–29 авг. 2015 г. – М.: «Издательский дом «Медина», 2016. – С. 441–451.
36. Малащенко, А. Ислам на российском Дальнем Востоке / А. Малащенко, А. Старостин // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 4. – С. 196–213.

37. Таган, Г. Башкиры в Забайкалье / Г. Таган // Служение: сборник башкирских учёных-эмигрантов – лидеров национально-освободительного движения 1917–1920 гг. / сост. и пер. А.М. Юлдашева. – Уфа: Китап, 2007. – 208 с.
38. Холкина, Т.А. Архитектурное наследие Благовещенска / Т.А. Холкина, Л.А. Чаюн. – Благовещенск: ЗАО «Амурская ярмарка», 2016. – 102 с.
39. ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295. Оп. 6. Д. 142. Л. 1-1об.
40. ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295 Оп. 6. Д. 4137.
41. ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295. Оп. 2. Д.6.
42. ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8.
43. Чернолуцкая, Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950 гг. / Е.Н. Чернолуцкая. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 511 с.
44. Шульженко, Н.В. Исламский фактор в социальных процессах на Дальнем Востоке России: дис. канд. соц. наук. 22.00.04 / Н.В. Шульженко, ТОГУ. – Хабаровск, 2009. – 196 с.
45. Ярков, А.П. Об участии казаков Западной Сибири в освоении восточных окраин России / А.П. Ярков // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...»: материалы XXVIII Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский: Мин. культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова, 2011. – С. 222–224.

Текст поступил в редакцию 12.08.2017.

¹ Как, впрочем, и сейчас Амурская область является пограничной, что накладывает отпечаток на специфику государственно-конфессиональных отношений.

² Судя по перепечатке из газеты «Вақыт» М. Фаттахудинов одновременно являлся имамом в г. Амгунь, но такого города не было (см.: Р. Фахретдин о мусульманских приходах Дальнего Востока (перевод статей из газеты «Вақыт» за 1906 г.) // Медина. 2016. ноябрь-декабрь).

³ Поучаствовал в Русско-Японской войне, Ш.Г. Рахманкулов выехал с территории Дальнего Востока. В течение трёх лет путешествовал по Средиземноморью. Совершил хадж. По возвращению в Россию был замдиректора оренбургского медресе «Хусания», где преподавал арабский язык и этику. В 1910 г. стал муллой в Соборной мечети в г. Екатеринбурге, а затем имам-хатыбом и муэдарином. Он организовал русские классы для мальчиков и девочек, призвал прихожан «к поголовному обучению грамоте с целью умственного развития и просвещения». Принял участие в организации Екатеринбургского отделения Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям (Петроград) и был избран его членом. После революции его судьба сложилась достаточно печально. Он трижды привлекал к своей персоне внимание советской власти и, натерпевшись, уехал в родные места в Башкортостан.

⁴ Яньшев Гарифулла Гизатуллин – имам мечети г. Благовещенска в 1915–1922 гг. Утверждён 16 сентября 1915 г. военным губернатором. В документах встречается иное написание фамилии – «Ялышев» и имён: «Ахметзян» (как имаме общины г. Зeya в 1912 г.) и «Асгар» (об имаме мечети г. Благовещенска), однако, скорее всего, это один и тот же человек.

⁵ Хогондоков (Хагундыков) Эдык Исмаилович (Константин Николаевич), генерал-майор (1915). С 1916 г. – военный губернатор Амурской области и командующий войсками Дальнего Востока и Наказной атаман Амурского казачьего войска. В июне 1917 г. Временным правительством назначен командующим Приамурским военным округом. Вышел в отставку и жил в Кисловодске, где занимался сельским хозяйством. Бежал от Красной Армии в Екатеринодар. В 1919 г. эмигрировал во Францию (см. Волков А.С. Генералитет Российской империи // Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 2. М., 2009. С. 671).

⁶ Хотя, например, в Забайкалье была выявлена подпольная организация, сумевшая даже организовать бегство за границу военнопленного турецкого генерала.

⁷ Диния нэзараты («министерство веры») – министерство по делам религии правительства (Милли Идарэ) Национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Создано в 1917 г. Хотя 12 апреля 1918 г. Милли Идарэ распущено Советским правительством, но Диния нэзараты сохранено «с условием невмешательства в политические дела».

⁸ М.А. Асланов в 1919 г. вручил Г.М. Семёнову «мусульманский» орден и присвоил ему звание «защитника религии, науки и права».

References

1. Akishin M.O. *Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Adjunction of Siberia to Russia: New Data: Proceedings of All Russia Scientific and Practical Conference with International Participation]. Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 2014, pp. 41–49 (in Russian).
2. Bikbov R.Z. *Islam na Urale: entsiklopedicheskii slovar* [Islam in the Urals: Encyclopedic Dictionary]. Moscow–Nizhny Novgorod: ID «Medina», 2009, pp. 302–303 (in Russian).
3. Burakshaev V. *Po relsam vsesoiuznoi stroiki* [On the Traces of All-Soviet Union Building]. Available at: <http://transphoto2007.livejournal.com/56905.html> (accessed: June 21, 2017) (in Russian).

4. *Obshcherossiiskoe informatsionnoe agentstvo musulman Info-islam* [All Russia Information Agency of Muslims Info-Islam]. Available at: http://www.info-islam.ru/publ/novosti/rossiya/v_priamure_pojavilas_pervaja_musulmanskaja_organizacija/1-1-0-843 (accessed: June 21, 2017) (in Russian).
5. *Amurskaia pravda* [Amur Truth]. Available at: <http://www.ampravda.ru/2013/03/01/042379.html> (accessed: June 21, 2017) (in Russian).
6. Volkov A.S. *Entsiklopedicheskii slovar generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaia II* [Ethnographic Dictionary of Generals and Admirals from Peter I the Great to Nicolas II]. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf, 2009, 831 p. (in Russian).
7. *Demoskop Weekly*. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (accessed: June 21, 2017) (in Russian).
8. Voronkova E.A., Voronkova T.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2012, no. 4, pp. 173–190 (in Russian).
9. Gumirova S. *IA Islamnews*. Available at: <http://www.islamnews.ru/news-90241.html> (accessed: June 21, 2017) (in Russian).
10. *Delovoi mir Priamuria (seredina XIX – nachalo XX vv.): v 2-kh t. Seriya «Priamure iz veka v vek»* [Business World of the Amur Region (mid-19th – early 20th centuries): in 2 volumes. Series “Priamurye from Age to Age”]. Vol. 2. Blagoveshchensk: OAO «Amurskaya yarmarka», 2013, 872 p. (in Russian).
11. Dubinin V.O. *Rossii i Kazakhstan: istoricheskii opyt sotrudnichestva i perspektivy integratsii: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and Kazakhstan: Historical Experience of Partnership and Perspectives of Integration: Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference]. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2015, pp. 35–41 (in Russian).
12. *Dukhovnoe upravlenie musulman Rossiiskoi Federatsii* [Spiritual Directorate of the Muslims of the Russian Federation]. Available at: <http://www.dumrf.ru/regions/28/history> (accessed: June 21, 2017) (in Russian).
13. Karpova E., Mironenko P. *Business Guide. Prilozhenie k gazete «Kommersant»* [Business Guide. “Kommersant” Supplement]. No. 93 (4148), May 27, 2009 (in Russian).
14. Kyzlasov L.R. *Zapadnaia Sibir v epokhu Srednevekovia: sbornik statei* [Western Siberia in the Middle Ages: Collection of Papers]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1984, pp. 111–118 (in Russian).
15. Lysenko Iu.A. *Sovremennaia Rossiia i mir: alternativy razvitiia (etnokontsionalnye konflikty i vyzovy XXI veka): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Contemporary Russia and the World: Alternatives of Development (Ethno-confessional Conflicts and Challenges of the 21st Century): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Barnaul: Iz-vo Altaiskogo un-ta, 2006, pp. 159–162 (in Russian).
16. *Demoskop Weekly*. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (accessed: June 21, 2017) (in Russian).
17. *IA Islamnews*. Available at: <http://www.islamnews.ru/news-9694.html> (accessed: June 21, 2017) (in Russian).
18. *Amurskaia pravda* [Amur Truth]. Available at: <http://www.ampravda.ru/articles/2004/11/18/11.html> (accessed: June 21, 2017) (in Russian).
19. *Islamskii informatsionnyi portal* [Islamic Data Portal]. Available at: <http://www.islam.ru/content/obshstvo/1704> (accessed: June 21, 2017) (in Russian).
20. Nam I.V. *Natsionalnye menshinstva Sibiri i Dalnego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National Minorities of Siberia and the Far East at a Historic Crucial Point (1917–1922)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009, 500 p. (in Russian).
21. *Narody i religii Priamuria* [Peoples and Religions of the Amur Region]. Ed. by A.P. Zabyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gos. un-ta, 2017, 424 p. (in Russian).
22. V.V. Markovich. *Tri atamana* [Three Atamans]. Moscow, 2003, pp. 226 (in Russian).
23. *Ocherki istorii Vostochnogo Zabaikalia. Chitinskaia oblast* [Outlines of the History of Eastern Transbaikalia. Chita Oblast]. Ed. by I.I. Kirillov. Vol. 1. Chita: Ekspres-izd-vo, 2007, 172 p. (in Russian).
24. *Pamiatnaia knizhka Amurskoi oblasti na 1902 god* [Agendum of Amur Oblast of 1902]. Parts 1–5. Blagoveshchensk: Izdanie Amurskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta, 1902 (in Russian).
25. Perinov V.V. *Musulmane v Zabaikale: seredina XIX veka – 1917 god: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Muslims in Transbaikalia: Mid-19th Century – 1917. Abstract of PhD Thesis in History]. Ulan-Ude, 2010, 24 p. (in Russian).
26. Prozorov S.M. *Islam kak ideologicheskaiia sistema* [Islam as Ideological System]. Moscow: Vost. lit., 2004, 471 p. (in Russian).
27. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dalnego Vostoka* [Russian State Archive of the Far East]. Fund 1501, inventory 1, file 1 (in Russian).
28. *Al-Furkan*. Available at: http://alfurkan.ru/index.php?option=com_zoo&view=category&Itemid=115 (accessed: June 21, 2017) (in Russian).
29. Fakhretdin R. *Medina al-Islam (Moskva)* [Medina al-Islam (Moscow)]. November-December, 2016.
30. Semenov G.M. *O sebe (Vospominaniia, mysli i vyvody)* [About Myself (Memories, Thoughts, and Conclusions)]. Moscow: AST, 1999, 378 p. (in Russian).
31. *Amurskii oblastnoi kraevedcheskii muzei* [Amur Regional Museum of Local History]. No. 01-04/53, February 8, 2010.
32. Starostin A.N. *Islamskoe obrazovanie. Istoriia, sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii, posviashchennoi 120-letiiu medrese «Khusainiia» i 20-letiiu deiatel'nosti sovremennogo Dukhovnogo musulmanskogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia «Khusainiia»* [Islamic Education. History, Contemporary State, and Perspectives of Development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 120th Anniversary of Madrasah “Husainia” and 20th Anniversary of Modern Spiritual Muslim Educational Institution “Husainia”]. Orenburg: IPK «Gazprompechat», OOO «Orenburggazpromservis», 2011, pp. 242–251 (in Russian).

33. Starostin A.N. *XII Faizkhanovskie chteniia. Mechet kak tsentr edineniia ummy, obrazovatelnoi i sotsialnoi raboty: materialy mezhdunarodnoi nauch.-obrazovatelnoi konf., g. Nizhnii Novgorod, 27–29 avg. 2015 g.* [Faizakhov's Readings. Mosque as a Center for Ummah's Union, Educational and Social Work: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod, August 27–29, 2015]. Moscow: «Izdatelskii dom «Medina», 2016, pp. 441–451 (in Russian).
34. Malashenko A., Starostin A. *Rossia v globalnoi politike* [Russia in Global Policy]. 2016, no. 4, pp. 196–213 (in Russian).
35. Tagan G. *Sluzhenie: sbornik bashkirskikh uchenykh-emigrantov – liderov natsionalno-osvoboditelnogo dvizheniia 1917–1920 gg.* [Service: Collection of Bashkir Emigrant Scientists – Leaders of National Liberation Movement in 1917–1922]. Ufa: Kitap, 2007, 208 p. (in Russian).
36. Kholkina T.A., Chayun L.A. *Arkhitekturnoe nasledie Blagoveshchenska* [Architectural Heritage of Blagoveshchensk]. Blagoveshchensk: ZAO «Amurskaya yarmarka», 2016, 102 p. (in Russian).
37. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Bashkortostan “Tsentralnyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan”* [State Public Institution of the Republic of Bashkortostan “Central Historical Archive of the Republic of Bashkortostan”]. Fund I-295, inventory 6, file 142, fol. 1-1ob (in Russian).
38. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Bashkortostan “Tsentralnyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan”* [State Public Institution of the Republic of Bashkortostan “Central Historical Archive of the Republic of Bashkortostan”]. Fund I-295, inventory 6, file 4137 (in Russian).
39. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Bashkortostan “Tsentralnyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan”* [State Public Institution of the Republic of Bashkortostan “Central Historical Archive of the Republic of Bashkortostan”]. Fund I-295, inventory 2, file 6 (in Russian).
40. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Bashkortostan “Tsentralnyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan”* [State Public Institution of the Republic of Bashkortostan “Central Historical Archive of the Republic of Bashkortostan”]. Fund I-295, inventory 2, file 8 (in Russian).
41. Chernolutskaia E.N. *Prinuditelnye migratsii na sovetskom Dalnem Vostoke v 1920–1950 gg.* [Involuntary Migrations in the Soviet Far East in 1920–1950s]. – Vladivostok: Dalnauka, 2011, 511 p. (in Russian).
42. Shulzhenko N.V. *Islamskii faktor v sotsialnykh protsessakh na Dalnem Vostoke Rossii: dis. kand. sots. nauk* [Islamic Factor in Social Processes in the Russian Far East: PhD Thesis in Sociology]. Khabarovsk, TOGU, 2009, 196 p. (in Russian).
43. Yarkov A.P. *«O Kamchatke i stranakh, kotorye v sosedstve s neiu nakhodiatsia...»: materialy XXVIII Krasheninnikovskikh chtenii* [“About Kamchatka and Countries Adjoining to It...”: Proceedings of the 27th Krasheninnikov's Readings]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Min. kultury Kamch. kraia, Kamch. kraevaya nauch. b-ka im. S.P. Krasheninnikova, 2011, pp. 222–224 (in Russian).